

УДК 316.3

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ НИКЛАСА ЛУМАНА: ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ДЕСКРИПТОРОВ ОБЩЕСТВА

К. В. СЕВАСТОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Проводится сравнительный анализ базовых положений теории социальных систем Н. Лумана и основоположений философии постмодернизма. Определяются точки смыслового пересечения категориального аппарата концепции Н. Лумана с рядом ключевых понятий современной социальной философии, а также взаиморезонирование их базовых основоположений. Доказывается, что сравнение теории социальных систем Н. Лумана и философии постмодернизма может быть осуществлено по нескольким критериям: предметному (определение общей сферы изысканий), историческому (обозначение общего времени и контекста возникновения) и содержательному (выявление семантических параллелей теорий при смещении ракурса рассмотрения). Проводится параллель между бессубъектной социологией Н. Лумана и постмодернистской концепцией отсутствующего субъекта. В соответствии с теорией социальных систем Н. Лумана субъект является некоммуникативным по определению. В концептуальном аппарате философии постмодернизма в качестве фундаментального выступает содержательно аналогичный отказ от трактовки субъекта в его классическом понимании. Выявляется содержательная связь концепции бинарной истины Н. Лумана и субъективистской теории истины в постмодернизме. Отмечается, что истина в контексте социальной системы Н. Лумана зависит от ее актуальности для субъекта. Она моделируется в нестатичном контексте и может переоцениваться в субъективном ключе в зависимости от смещения фокуса актуальности того или иного фрагмента знаний субъекта. Аналогичным образом в постмодернистской философии происходит субъективизация истины, которая оказывается переменной величиной не только в социокультурной системе отсчета, но и в системе отсчета индивида. Доказывается, что, с одной стороны, Н. Луман, а с другой – постмодернистские авторы формируют новое видение когнитивных процессов в рамках постнеклассического типа рациональности.

Ключевые слова: теория социальных систем; постмодернизм; общество постмодерна; иерархия; антиформа; бессубъектная социология; коммуникация; смерть автора; смерть субъекта; истина; знание.

NIKLAS LUHMANN'S THEORY OF SOCIAL SYSTEMS: THE POSTMODERN CHARACTER OF SOCIETY'S DESCRIPTORS

K. V. SEVASTOV^a

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article carried out a comparative analysis of the basic provisions of the theory of social systems by N. Luhmann and the principles of the philosophy of postmodernism. Considering the categorical apparatus of N. Luhmann's concept, the author finds points of semantic intersection with a number of key concepts of modern social philosophy, as well as mutual resonance of basic principles. The article proves that the comparison of the theory of social systems by N. Luhmann and the philosophy of postmodernism can be carried out according to several criteria: subjective (general scope of research), historical (common time and context of occurrence) and meaningful (when the perspective of consideration is shifted, it becomes

Образец цитирования:

Севастов КВ. Теория социальных систем Никласа Лумана: постмодернистский характер дескрипторов общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2022;4:42–47.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-42-47>

For citation:

Sevastov KV. Niklas Luhmann's theory of social systems: the postmodern character of society's descriptors. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;4:42–47. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-42-47>

Автор:

Кирилл Валерьевич Севастов – аспирант кафедры философии и методологии университетского образования факультета повышения квалификации и переподготовки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор М. А. Можейко.

Author:

Kirill V. Sevastov, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of university education, faculty of advanced training and retraining.
kirillsevastov@gmail.com

possible to identify semantic parallels named theories). Thus, the article draws a parallel between N. Luhmann's subjectless sociology and the postmodern concept of the absent subject. In accordance with the theory of social systems by N. Luhmann, the subject is non-communicative by definition. In the conceptual apparatus of the philosophy of postmodernism, a meaningfully similar rejection of the interpretation of the subject in its classical sense is fundamental. A meaningful connection between the concept of binary truth by N. Luhmann, on the one hand, and the subjectivist theory of truth in postmodernism, on the other hand, is revealed. Thus, the truth in the context of N. Luhmann's social system depends on its relevance for the individual, fitting into the system of knowledge that is significant for him at the moment, the truth is modeled in a non-static context and can be re-evaluated in a subjective way, depending on the shift in the focus of the relevance of one or another fragment of knowledge of the individual. Similarly, in postmodern philosophy there is a subjectivisation of truth, which turns out to be a variable not only in the socio-cultural frame of reference, but also in the frame of reference of the individual. Thus, the article proves that there are semantic parallels in the theory of social systems of N. Luhmann and postmodern philosophy, which allow us to say that, independently of each other, N. Luhmann, on the one hand, and postmodern authors, on the other, develop a new vision of cognitive processes within the post-non-classical type of rationality.

Keywords: theory of social systems; postmodernism; postmodern society; hierarchy; antiform; subjectless sociology; communication; the death of the author; the death of the subject; truth; knowledge.

Введение

Теория социальных систем Никласа Лумана и философия постмодернизма развивались параллельно. Взаимная корреляция их базовых концепций не прослеживается на первый взгляд, но при более детальном исследовании обнаруживается схожесть их концептуальных подходов. Данный ракурс рассмотрения позволяет, с одной стороны, протекционно рассуждать о концепциях общества

постмодерна, которые часто обвиняются в профанации, а с другой – наметить принципиально новое направление в исследованиях как социальной теории, так и философии постмодернизма. Соответственно, цель данной статьи – выявить точки соприкосновения между теорией социальных систем и постмодернизмом на основе метода компаративного анализа.

Социальные системы и постмодернизм

Теория социальных систем Н. Лумана, оказавшая огромное влияние на развитие и популяризацию социологических исследований, из аналитического контекста теоретической социологии постепенно распространилась на социальную философию, тем самым истончая границу между социологическим и философским прочтением общественной структуры и, напротив, усложняя само понятие социальной системы.

Н. Луман, отталкиваясь от системной теории Т. Парсонса [1; 2] и отделяя предшествующие теоретические разработки от используемого впоследствии методологического подхода структурного функционализма [2, с. 12], предлагает общую теорию социальных систем, призванную исправить категоричность и безапелляционность уже существующей теории. Другими словами, теория социальных систем Н. Лумана представляет собой, с одной стороны, неофункционалистский взгляд на системную структуру общества, с другой – ее описательную характеристику, в той или иной мере коррелирующую с концепциями философии постмодернизма, пусть и в достаточно спекулятивном русле.

Важно отметить, что Н. Луман старается избегать строгих утверждений, касающихся социального постмодернизма. Тем не менее он неоднократно обращается к ним, фокусируя внимание прежде всего на теории систем. По его словам, социальная система самореферентна [2, с. 42–67], а системная теория – «самонаблюдающий, аутопоэтиче-

ский, рекурсивный механизм... система, которая демонстрирует собственную интеллектуальную динамику... которая относится к самым интересным и чарующим явлениям, которые мы сегодня видим в условиях очень проблематичной ситуации так называемого постмодернизма» [2, с. 67].

Социальная система Т. Парсонса основана в первую очередь на социальном взаимодействии, которое организовано на символических культурных уровнях, напрямую зависящих от аспекта поведения – действия. По Парсонсу социальная система является ни чем иным, как центром систематизированного человеческого действия, и, будучи открытой, участвует в процессе межсистемного взаимодействия [1, с. 40–43].

Социальная система Н. Лумана представляет собой «оперативно и самореферентно закрытую систему» [3, с. 201], действия внутри которой сводятся лишь к коммуникации, при помощи которой, как экспертно разъясняет А. В. Назарчук, система воспроизводится внутри себя [4, с. 113–122].

При этом среди социальных систем Н. Лумана отсутствуют уровни, что естественно, ведь если каждая из систем закрыта, то в их наличии нет абсолютно никакого смысла. Отсутствие уровней среди социальных систем несет в себе не только очевидную причину, но и деконцентрацию необходимости в них. Существенным является то, что структура социальных систем формируется в своего рода горизонтальной плоскости, важным элементом которой

является форма. Понятие формы, лежащее в основе системной теории, призвано не создавать или искать идентичность или схожесть социальных структур, а, наоборот, различать их [3, с. 240–241; 5, с. 41]. Таким образом, в качестве ключевых и основополагающих аспектов в контексте сравнения системных теорий Т. Парсонса и Н. Лумана следует рассмотреть понятия «иерархия» и «форма».

И. Хассан в своей фундаментальной работе [6] проводит строгую разграничительную линию между модернистскими и постмодернистскими понятиями, где в качестве альтернативы модернистским концепциям предлагаются противоположные положения, которых постмодернизм придерживается по крайней мере на начальном этапе формирования своего концептуального аппарата.

В качестве понятия, альтернативного понятию «иерархия», выдвигается ни что иное, как антонимичное ему понятие «анархия» (безусловно, не в социально-политическом, а в структурно-организационном смысле). Постмодернизм не предлагает

анархизировать всю системную теорию. В противном случае это выглядело бы как сфокусированный процесс с конкретным результатом, т. е. как процесс строгой векторальной направленности, против которого постмодернизм истово протестует. Тем или иным способом постмодернизму достаточно всего лишь отказаться от иерархии, естественно, ничего не предлагая взамен.

Практически то же произошло и с понятием формы в символическом прочтении постмодернизма: понятие конструкта закрытой и замкнутой формы постмодернизмом опротестовано и, соответственно, деконструировано до понятия открытой и разомкнутой антиформы.

С учетом того что в совокупности социальных систем отсутствует иерархия, а форма представлена лишь для очертания системной границы с последующим поиском системных различий, уже на начальном этапе становится возможным проследить точечные постмодернистские дескрипторы в теории социальных систем, предложенных Н. Луманом.

Бессубъектная коммуникация и смерть субъекта

Ключевое место в теории социальных систем Н. Лумана занимает понятие коммуникации. Существование социальной системы возможно именно благодаря коммуникации, без нее невозможны самопроизводство и саморегенерация системы. Отсутствие коммуникации есть отсутствие социальной системы [4, с. 113–122].

Н. Луман предлагает двойное прочтение социальной теории. Социальная теория рассматривается, с одной стороны, как концепция для социального размежевания на группы и функциональные подсистемы, с другой – как теоретический аспект социокультурной эволюции. Обе интерпретации зависимы друг от друга: социокультурная эволюция расширяет групповую и подсистемную дифференциацию [7, с. 11].

Рассуждая о рандомном невидимом наблюдателе внутри референтной группы и невозможности его обозначения, Н. Луман описывает проблему невидимого субъекта, который, различая наблюдаемое, не задается вопросами: «Почему я различаю так, а не иначе, кто же тот наблюдатель, кто различает так, а не иначе?» [8, с. 183–184].

Н. Луман определяет основную предпосылку к возникновению социальной системы – необходимость во внутрисоциальном селективном согласовании, которое, безусловно, формируется посредством коммуникации [7, с. 13]. Соответственно, социокультурная эволюция в контексте социальной системы несет в себе не статичную установку, ограниченную временем, внутри которой групповая и подсистемная дифференциация выступает как постоянно эволюционирующий смысл, а коммуникация – как артикуляционный инструмент для этого процесса. Принципиально важно, что в данном распределении

внутрисистемных ролей субъект не принимает никакого участия.

В соответствии с социальной системой Н. Лумана коммуникация абсолютно не коррелирует с субъектом как с единицей общества, потому как в данной плоскости принадлежностей и свойств коммуникативным является только общество. Соответственно, коммуникация является не межсубъектным, а внутрисоциальным процессом [9].

Определив, какое именно место коммуникация занимает в системе координат социальной теории Н. Лумана, следует более тщательно разобрать феномен отсутствия субъекта для выявления своего рода постмодернистского локуса, потому как теория обладает достаточной стабильностью, а социальный контекст – нет. И, что принципиально важно, в данном рассуждении не придется отходить от теоретического аппарата, предложенного Н. Луманом при создании своего рода бессубъектной социологии: такой постмодернистский концепт, как смерть субъекта, находит свое отражение и здесь.

Концепция смерти субъекта обрела особую популярность и широкую приверженность в философии постмодернизма после выхода эссе Р. Барта [10], в котором был сформулирован принцип независимости текста от фигуры автора, который «есть всего лишь тот, кто пишет, так же, как “я” всего лишь тот, кто говорит “я”» [10, с. 387]. По Барту создание текста – отправной пункт, «некий объем индетерминаций или сверхдетерминаций», который возможен, когда речь завершается и нельзя детерминировать говорящего. Констатируется факт, что «тут нечто говорится» [10, с. 460].

Окончательно сформированный текст впоследствии теряет связь с автором, который по отно-

шению и к самому тексту, и тем более к читателю попросту умирает. Важно, что в данной концепции смерть – это процесс, который регулярно повторяется при участии каждого читателя.

Ж. Бодрийяр определяет невозможность существования субъекта в каком-либо одном конкретном состоянии (жизни или смерти). В символическом контексте такая абстрактная бинарность неосуществима, потому как процесс смерти продолжителен и происходит на протяжении всей жизни, которая представляется чем-то остаточным, реальным и «существует лишь в своей обреченности на смерть» [11, с. 284–286]. Тем самым Ж. Бодрийяр подводит к еще более провокационному утверждению о том, что продолжительной смерти субъекта недостаточно, потому как общие субъектные составляющие целостного Я (например, тело, вещи, язык) заключены в необратимый процесс, в котором «еще при жизни отмирают, претерпевают работу скорби» [11, с. 285].

Конкретизируя концепцию смерти субъекта, Ж. Бодрийяр опирается на пример создания коллекции, недостающая часть которой обретает ценность лишь в процессе своего отсутствия. Одновременно с этим обсуждаются два вопроса. Во-первых, является ли создание коллекции действием, результатом которого должна стать ее завершенность? Во-вторых, являются ли пробелы (лакуны по Бодрийяру) акцентами первостепенной важности, потому как именно в их рамках субъект способен на собственную объективацию? Соответственно, завершенность коллекции в виде отсутствия пустых фрагментов не приводит ни к чему иному, как к смерти субъекта. Фрагментарность же коллекции побуждает субъекта лишь к бесконечной игре в смерть, которая переживается исключительно страдательно. Но только благодаря этому страданию и представляется возможным миновать финализацию коллекции, перфективность которой, как утверждает Ж. Бодрийяр, ведет к «окончательному устранению реальности» [12, с. 103–104]. Таким образом, по мнению Ж. Бодрийяра, смерть субъекта не означает что-то конечное, равно как и расщепление или деструкцию субъекта. В данном случае смерть – неконечное состояние, в котором субъект вынужден пребывать постоянно.

М. Фуко определяет субъект как точку пересечения различных исторически сложившихся дискурсов, в результате которых он лишается независимости, самостоятельности и целостности. Субъект – это

форма, которая подвергается историческим изменениям [13, с. 11–26]. Конкретизация индивида в субъект происходит тогда, когда он принимает форму, которую в состоянии принять, и занимает то положение, которое может и должен занять для того, чтобы стать этим субъектом [13, с. 181–188].

Так, анализируя пенитенциарную систему в первую очередь как аппарат принуждения субъекта, М. Фуко определяет двойное расхождение субъектной объективации. С одной стороны, это субъект-преступник, который выпадает из общественного договора, с другой – это юридический субъект, реабилитация которого осуществляется посредством наказания. В данном случае один и тот же субъект объективируется и как делинквент, и как конструкт сциентифического подхода [14, с. 374–375]. Так, объективирующая функциональность одного и того же субъекта в определенном и едином контексте предстает в двух абсолютно разных формах. Более того, не только объективация субъекта, но и субъект как таковой, подвергающийся какому-либо воздействию (в данном случае наказанию), может быть не только реконструирован, но и целенаправленно воссоздан.

М. Фуко проблематизирует и понятие коммуникации. Изолированный и запертый субъект видим только прямым наблюдателем (надзирателем у М. Фуко), но не другими субъектами: ограничения в виде стен не позволяют им контактировать. Для наблюдателя субъект визуализирован, наблюдатель для субъекта – нет. Соответственно, в данной ситуации субъект становится объектом информации, но не субъектом коммуникации [14, с. 293]. Можно сделать вывод о том, что в одном и том же контексте один и тот же субъект может быть не только наделен абсолютно разными свойствами и отмечен разного рода ярлыками, но и при определенных обстоятельствах заново сформирован. Истинность субъекта умирает, а его коммуникативность утрачивается.

В соответствии с позицией М. Фуко субъект возможен и даже вероятен, но с условием, что он образовался. В то же самое время его последующее формирование, становление, изменение и восстановление – процессы, сопутствующие смерти субъекта.

Таким образом, концепция бессубъектной социологии в теории социальных систем Н. Лумана и концепция смерти субъекта в философии постмодернизма демонстрируют отсутствующее присутствие субъекта.

Истина и знание: субъективность

В контексте теории социальных систем понятие истины трактуется Н. Луманом в связи с принципом регулирования социального и психического мира, который понимается им как саморегулирующийся и необъятный в своей сложности. Саморегуляция мира производится посредством смысла – само-

референциального воспроизводства (аутопоэзиса по Луману), который в обществе постмодерна главенствует над понятием субъекта. Истина, как коммуникативный код, есть смысловой схематизм, который создает систему и становится ее частью [7, с. 229–231].

По Луману истина моментально следует за знанием, которое сфокусировано в первую очередь на актуальности (транслируемое знание истинно только в данный артикулируемый момент), одновременно взаимодействуя с памятью для приведения смыслов в не противоречащие друг другу конструкции. Знание представляет собой проверочный процесс [15, с. 64–65].

Оперируя подобным представлением о знании и истине, Н. Луман заключает, что любое знание истинно: акцентирование внимания на истинности знания приводит к сомнению, тем самым перенаправляя коммуникацию от содержания к значению. Это, в свою очередь, позволяет коммуникации позиционировать себя бинарно, т. е. дает возможность соглашаться или не соглашаться с утверждаемой истиной [15, с. 68–69].

Н. Луман считает, что полицентричность общества не указывает на то, что существует множество истин или, наоборот, что не существует ни одной. Она указывает на то, что требование истины должно быть ужесточено [16, р. 3].

Безусловно, в процессе концептуализации аналитического аппарата философия постмодернизма не оставляет без внимания понятие истины. И если постмодернизм не смог в полной мере отказать от нее, то умаление ее абсолюта стало по-постмодернистски принципиальным действием.

Рассуждая об истине, М. Фуко представляет ее в виде средства, вследствие формирования которого субъект может конструировать себя и давать себе отчет о том, что произошло. По его мнению, истина – это знание о собственной субъективности и ситуативности [17, с. 6]. Убеждение в истинности утверждения положило начало формированию философской традиции западного типа – аналитике истины [17, с. 144].

М. Фуко предъявляет к понятию истины вопрос: «Артикулируется то, что считается истинным, или то, что действительно истинно?» И дает на него ироничный ответ, отмечая, что субъект «говорит то, что истинно, поскольку знает, что это истинно, и он знает, что это истинно, потому что это действительно истинно» [17, с. 17–18]. Соответственно, убеждение совпадает с истиной, из чего следует, что истина – переменная величина [17, с. 17–19]. Важно подчеркнуть, что данное утверждение в полной мере коррелирует с идеей Н. Лумана об истинности знания именно в артикулируемый момент и в процессе его прямого взаимодействия с таким индивидуализированным свойством субъекта, как память.

Ж.-Ф. Лиотар, опираясь на провозглашенные постмодерном недоверие и последующий кризис метанарраций, полагает, что знание теряет легитимацию (статичную общепризнанность), становясь все более субъективным. Как результат, истинность истины подвергается угрозе и не способна претендовать на единичность [18, с. 10–12].

Следствием «обрушения официальных нарративов и подрыва нарративных традиций» [19, с. 57] становится принцип субъективности, возводимый постмодернизмом в доминирующую позицию, когда истина заменяется на точку зрения, что, в свою очередь, приводит к отказу от объективной реальности [19, с. 58]. Так формируется один из основных постмодернистских аргументов: истина истинна лишь отчасти [19, с. 69].

Определив нестабильность понятия истины, ее бинарность в бессубъектной социологии, а также ее артикулируемую моментность и переменчивость, представляется возможным провести параллель между истинным знанием в теории социальных систем Н. Лумана и субъективной истиной как постмодернистским алгоритмом.

Заключение

Важно отметить, как Н. Луман соотносил свою теорию с постмодернизмом. Он подчеркивал, что общество полицентрично, но при этом не называл свою теорию социальных систем постмодернистской. Более того, он отмечал, что понятие «общество постмодерна» (если таковое имеет право на существование) не только не может претендовать на описание конкретного состояния обще-

ства (проблема денотата), но и оставляет открытым вопрос о своем содержании (проблема десигната) [20].

Н. Луман не подвергал радикальной критике постмодернистскую трактовку современного общества или отдельно взятых постмодернистских концепций, потому как «это уже есть хотя бы потому, что кто-то это так называет»¹ [20, р. 184].

Библиографические ссылки

1. Парсонс Т. Социальные системы. *Научный альманах Института философии РАН. Вопросы социальной теории.* 2008;2(1):38–71.
2. Луман Н. *Введение в системную теорию.* Тимофеева К, переводчик. Москва: Логос; 2007. 360 с.
3. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории.* Газиев ИД, переводчик; Головин НА, редактор. Санкт-Петербург: Наука; 2007. 648 с.
4. Назарчук АВ. *Теория коммуникации в современной философии.* Москва: Прогресс-Традиция; 2009. 320 с.

¹Перевод наш. – К. С.

5. Назарчук АВ. *Учение Никласа Лумана о коммуникации*. Москва: Весь Мир; 2012. 248 с.
6. Hassan I. *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*. Columbus: Ohio State University Press; 1987. 267 p.
7. Луман Н. *Власть*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Праксис; 2001. 256 с.
8. Луман Н. *Реальность массмедиа*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Праксис; 2005. 256 с.
9. Луман Н. Что такое коммуникация? *Социологический журнал*. 1995;3:114–124.
10. Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. Косиков ГК, Карумов БП, Зенкина СН, Козлов СЛ, Баженова НА, переводчики. Москва: Прогресс; 1989. 616 с.
11. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. Зенкина СН, переводчик. Москва: Добросвет; 2011. 392 с.
12. Бодрийяр Ж. *Система вещей*. Зенкина СН, переводчик. Москва: Рудомино; 1999. 224 с.
13. Фуко М. *Археология знания*. Ракова МБ, Серебрянникова АЮ, переводчики. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2004. 416 с.
14. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Наумов В, переводчик. Москва: Ad Marginem; 1999. 480 с.
15. Луман Н. *Истина, знание, наука как система*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Логос; 2016. 410 с.
16. Qvortrup L. Society's educational system – an introduction to Niklas Luhmann's pedagogical theory. *International Journal of Media, Technology and Lifelong Learning*. 2005;1:2–21.
17. Фуко М. *Дискурс и истина*. Корбут МА, переводчик. Минск: ПроPILEI; 2006. 152 с.
18. Лиотар Ж-Ф. *Состояние постмодерна*. Шматко НА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 1998. 160 с.
19. Какутани М. *Смерть правды*. Сумм ЛБ, переводчик. Москва: Эксмо; 2019. 256 с.
20. Luhmann N. Why does society describe itself as postmodern? *Cultural Critique*. 1995;30:171–186. DOI: 10.2307/1354436.

References

1. Parsons T. [Social systems]. *Nauchnyi al'manakh Instituta filosofii RAN. Voprosy sotsial'noi teorii*. 2008;2(1):38–71. Russian.
2. Luhmann N. *Einführung in die Systemtheorie*. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme; 2002. 347 S.
Russian edition: Luhmann N. *Vvedenie v sistemnyu teoriyu*. Timofeeva K, translator. Moscow: Logos; 2007. 360 p.
3. Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1984. 675 S.
Russian edition: Luhmann N. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. Gaziev ID, translator; Golovin NA, editor. Saint Petersburg: Nauka; 2007. 648 p.
4. Nazarchuk AV. *Teoriya kommunikatsii v sovremennoi filosofii* [Theory of communication in contemporary philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2009. 320 p. Russian.
5. Nazarchuk AV. *Uchenie Niklasa Lumana o kommunikatsii* [Niklas Luhmann's teaching on communication]. Moscow: Ves' Mir; 2012. 248 p. Russian.
6. Hassan I. *The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture*. Columbus: Ohio State University Press; 1987. 267 p.
7. Luhmann N. *Macht*. Stuttgart: Lucius & Lucius; 1988. [256 S.].
Russian edition: Luhmann N. *Vlast'*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Praksis; 2001. 256 p.
8. Luhmann N. *Die Realität der Massenmedien*. Wiesbaden: GWV Fachverlage GmbH; 2004. [256 S.].
Russian edition: Luhmann N. *Real'nost' massmedia*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Praksis; 2005. 256 p.
9. Luhmann N. [What is communication?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1995;3:114–124. Russian.
10. Barthes R. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Kosikov GK, Karumov BP, Zenkina SN, Kozlov SL, Bazhenova NA, translators. Moscow: Progress; 1989. 616 p. Russian.
11. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Zenkina SN, translator. Moscow: Dobrosvet; 2011. 392 p.
12. Baudrillard J. *Le système des objets*. Paris: Gallimard; 1991. 288 p.
Russian edition: Baudrillard J. *Sistema veshchei*. Zenkina SN, translator. Moscow: Rudomino; 1999. 224 p.
13. Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Paris: Gallimard; 1969. 289 p.
Russian edition: Foucault M. *Arkheologiya znaniya*. Rakova MB, Serebryannikova AYU, translators. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2004. 416 p.
14. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Supervise and punish. Birth of the prison]. Naumov V, translator. Moscow: Ad Marginem; 1999. 480 p.
15. Luhmann N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1993. 732 S.
Russian edition: Luhmann N. *Istina, znanie, nauka kak sistema*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Logos; 2016. 410 p.
16. Qvortrup L. Society's educational system – an introduction to Niklas Luhmann's pedagogical theory. *International Journal of Media, Technology and Lifelong Learning*. 2005;1:2–21.
17. Foucault M. *Fearless speech*. J. Pearson, editor. Los Angeles: Semiotext(e); 2001. 128 p.
Russian edition: Foucault M. *Diskurs i istina*. Korbut MA, translator. Минск: Propilei; 2006. 152 p.
18. Lyotard J-F. *La condition postmoderne*. Paris: Les éditions de minuit; 1979. 109 p.
Russian edition: Lyotard J-F. *Sostoyanie postmoderna*. Shmatko NA, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 1998. 160 p.
19. Kakutani M. *The death of truth*. New York: Crown Publishing Group; 2018. 208 p.
Russian edition: Kakutani M. *Smert' pravdy*. Summ LB, translator. Moscow: Eksmo; 2019. 256 p.
20. Luhmann N. Why does society describe itself as postmodern? *Cultural Critique*. 1995;30:171–186. DOI: 10.2307/1354436.